

ТЮРКСКИЕ ОГРАДЫ МОГИЛЬНИКА ТАНАБАЙ В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА

Исследованные памятники тюркского времени на территории Центрального Казахстана многочисленны (Егиз-Койтас, Дау-Кара, Жарлы-1 и 2, Копа, Ижевский-2, Аккойтас-IV, Майбулак-II и Нуринское погребение). Предметный интерес у исследователей вызывает преимущественно один аспект проблематики – антропоморфные изваяния, которым посвящена масса статей и несколько монографий, в то время как информативный погребальный обряд и связанная с ним ритуальная практика остаются несколько в стороне. В рамках данной статьи вводятся в научный оборот результаты работ на могильнике Танабай, где был изучен комплекс из трех оград с антропоморфным изваянием и балбалами. Сооружения представляли собой четырехугольные ограды, возведенные из плит, установленных вертикально, а внутреннее пространство было заполнено средними и крупными по размерности камнями. В южной постройке, при выборке внутриоградного заполнения, обнаружены фрагменты черепа овцы и керамического изделия. Собственно тюркские ограды раскопаны на памятниках Копа, Дау-Кара и Аккойтас-IV. Наиболее правильным будет пока датировать их широким хронологическим интервалом: 2-я половина VI–VIII вв. *Terminus ante quem* верхней границы служит распространение с IX в. в регионе кыпчакских племен, у которых традиция возведения четырехугольных оград «отмирает».

Ключевые слова: Центральный Казахстан, тюркское время, ограда, изваяние, балбал.

DOI: 10.14258/tpai(2018)1(21).-10

Введение

Период раннего средневековья Центрального Казахстана мало освещен археологическими исследованиями и представляет собой лагуну в сравнении с сопредельными регионами, что, естественно, негативно сказывается на реконструкции историко-культурного процесса в степной полосе Евразии. Предметный интерес у исследователей вызывает преимущественно один аспект проблематики – антропоморфные изваяния, которым посвящена масса статей и несколько монографий [Маргулан, 2003; Ермоленко, 2004; и др.], в то время как информативный погребальный обряд и связанная с ним ритуальная практика остаются несколько в стороне.

Сведения о тюркском времени региона слагаются из материалов работ на девяти памятниках: Егиз-Койтас [Кадырбаев, 1959, с. 183–186, 198–199, рис. 19, 20, 20а], Нуринское погребение [Боталов, Ткачев, 1992], Жарлы-1, 2 [Бейсенов, Кожак, 2001], Ижевский-2 [Бейсенов, Волошин, 2002], Копа [Ермоленко, 2004, рис. 7, 8, 9.-20], Аккойтас-IV [Байтанаев и др., 2014, с. 661–663, фото 3], Дау-Кара [Ермоленко, Евдокимов, 2017] и Майбулак-II [Дмитриев и др., 2017].

В рамках данной статьи вводятся в научный оборот результаты исследований в 2012 г. экспедицией Областного историко-краеведческого музея г. Караганды комплекса тюркских оград могильника Танабай. Определено их место среди ранее изученных объектов.

Памятник находится в Бухар-Жырауском районе Карагандинской области, в 110 км северо-восточнее г. Караганды, в 1,5 км северо-восточнее поселка Тортколь и расположен севернее берега реки Шантимес, в широкой долине, ограниченной вы-

сокими сопками. На погребальном поле визуально зафиксированы объекты нескольких исторических эпох (бронзового и раннего железного веков, средневековья). В 2012 и 2014 гг. на могильнике были раскопаны несколько курганов бронзового века [Кукушкин И.А., Кукушкин А.И., 2015], в одном из которых обнаружены парные костяки лошадей, имитирующие колесничную упряжку.

Описание исследованных объектов

Тюркские ограды располагались на северо-восточной окраине некрополя и были вытянуты цепочкой по линии ССЗ–ЮЮВ (рис. 1). У южного сооружения до раскопок отмечен ряд обломленных каменных столбиков. Раскопом площадью 33,5 кв. м ансамбль был полностью исследован.

Северное сооружение (№49) представляло собой подпрямоугольную в плане формы ограду, размерами 2,4×2х1,8×1,7 м, ориентированную углами по сторонам света и сложенную из четырех плит, наклонившихся наружу. Внутреннее пространство было плотно забутовано камнями, под которыми находок не обнаружено (рис. 2).

Центральное сооружение (№48) имело подпрямоугольную в плане форму, размерами 2×1,8×1,9×1,6 м, было ориентировано углами по сторонам света и состояло из четырех вертикально установленных плит, частично наклонившихся наружу. Внутреннее пространство было плотно забутовано камнями. С северо-восточной стороны вплотную к ограде был установлен необработанный балбал, размерами 0,6×0,28×0,21 м. В ходе исследований постройки никаких находок не обнаружено (рис. 2–3).

Южное сооружение (№47) имело подпрямоугольную в плане форму, размерами 2×1,85×1,75×1,85 м, и ориентировано углами по сторонам света. Северо-западная стенка состояла из двух плит, северо-восточная и юго-западная из одной, а юго-восточная на момент раскопок отсутствовала. Внутреннее пространство практически не содержало каменной забутовки, но было заполнено землей. В процессе выборки заполнения ограды были обнаружены фрагменты черепа овцы и керамического изделия (рис. 2).

С северо-восточной стороны от ограды отходила цепочка вертикально установленных объектов. На расстоянии 0,5 м находилось антропоморфное изваяние, размерами 0,67×0,46×0,2 м, у которого углублением была четко обозначена шея. Несколько обособленно, в метре, зафиксированы два обломленных необработанных гранитных столбика. Первый – размерами 0,43×0,24×0,15 м, второй – 0,29×0,16×0,10 м (рис. 4).

Обсуждение полученных результатов

Ограды Танабай встали в один ряд с раскопанными комплексами Копа, Аккойтас-IV, Дау-Кара и составляют группу памятников, отличную от сооружений Егиз-Койтас, Жарлы-1 и 2, Нуринское погребение, Ижевский-2 и Майбулак-II, содержащих захоронения, часть которых сопровождалась костяками лошадей. По количеству плит в стенках ограды подразделяются на четырехплитовые (Танабай) и многоплитовые (Копа, Аккойтас-IV, Дау-Кара).

Установка каменных изваяний и балбалов с восточной стороны свойственна обрядности тюрков и подтверждается полевыми исследованиями на Алтае, в Тыве и Минусинской котловине [Серегин, 2011, с. 50]. Эта традиция зафиксирована и на центрально-казахстанских памятниках (Копа, Дау-Кара, Танабай). Примечательно, что цепочку вертикальных объектов сооружения 3 (Танабай) начинает антропоморфное

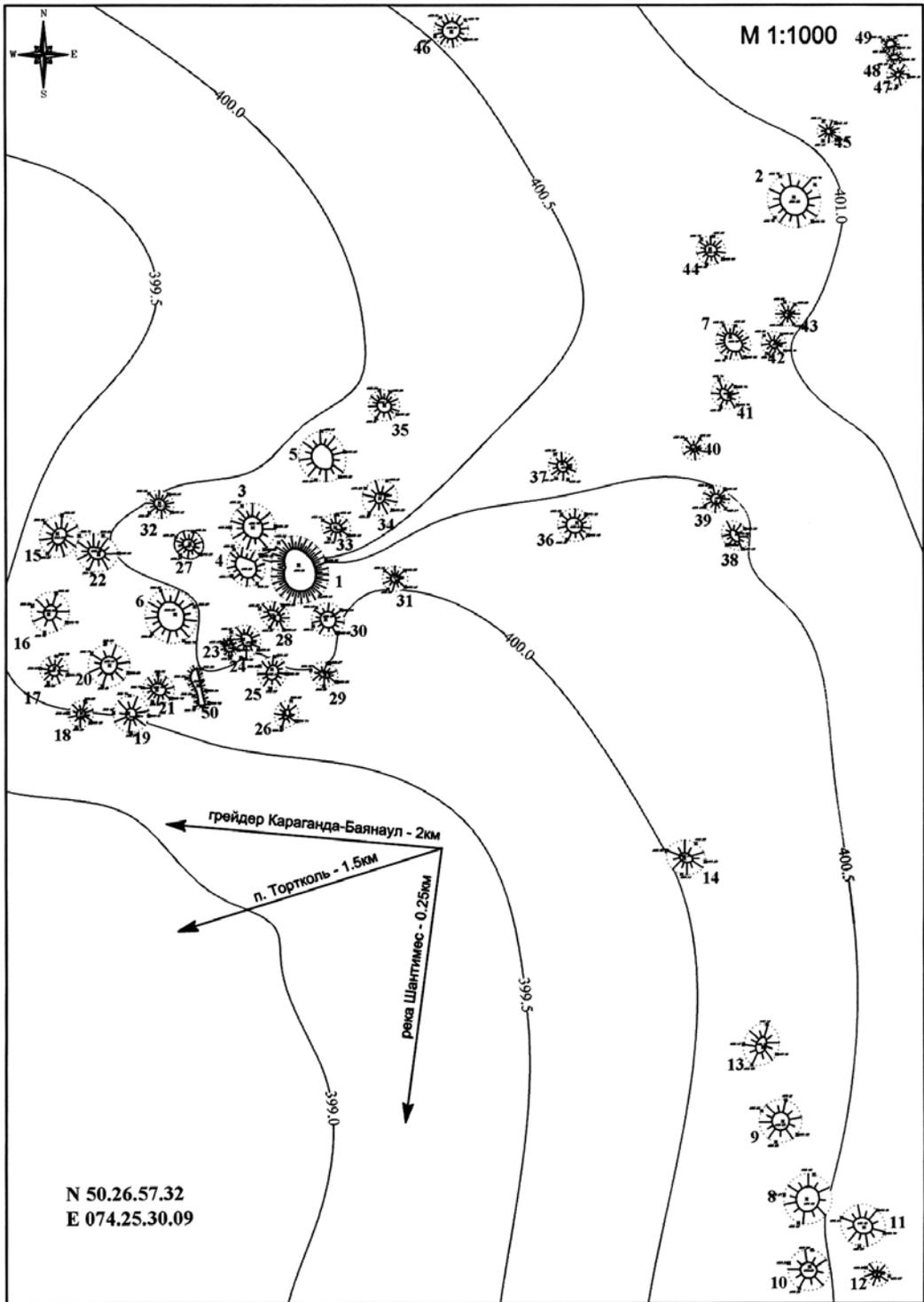

Рис. 1. План могильника Танабай

изваяние (рис. 3), которое имеет в этом плане сходство с комплексом в урочище Худжирт (Монгольский Алтай) [Серегин, 2011, рис. 3], где, помимо прочего, изваяниям были специально приданы отличные от балбалов характеристики: другая порода камня, более крупные размеры.

Несколько выделяется поваленный каменный столб сооружения Аккойтас-IV, который был, вероятно, установлен внутри ограды. Аналогичные в плане расположения объекты известны, к примеру, в Монголии [Горбунов и др., 2015, с. 75–77; Тишкин

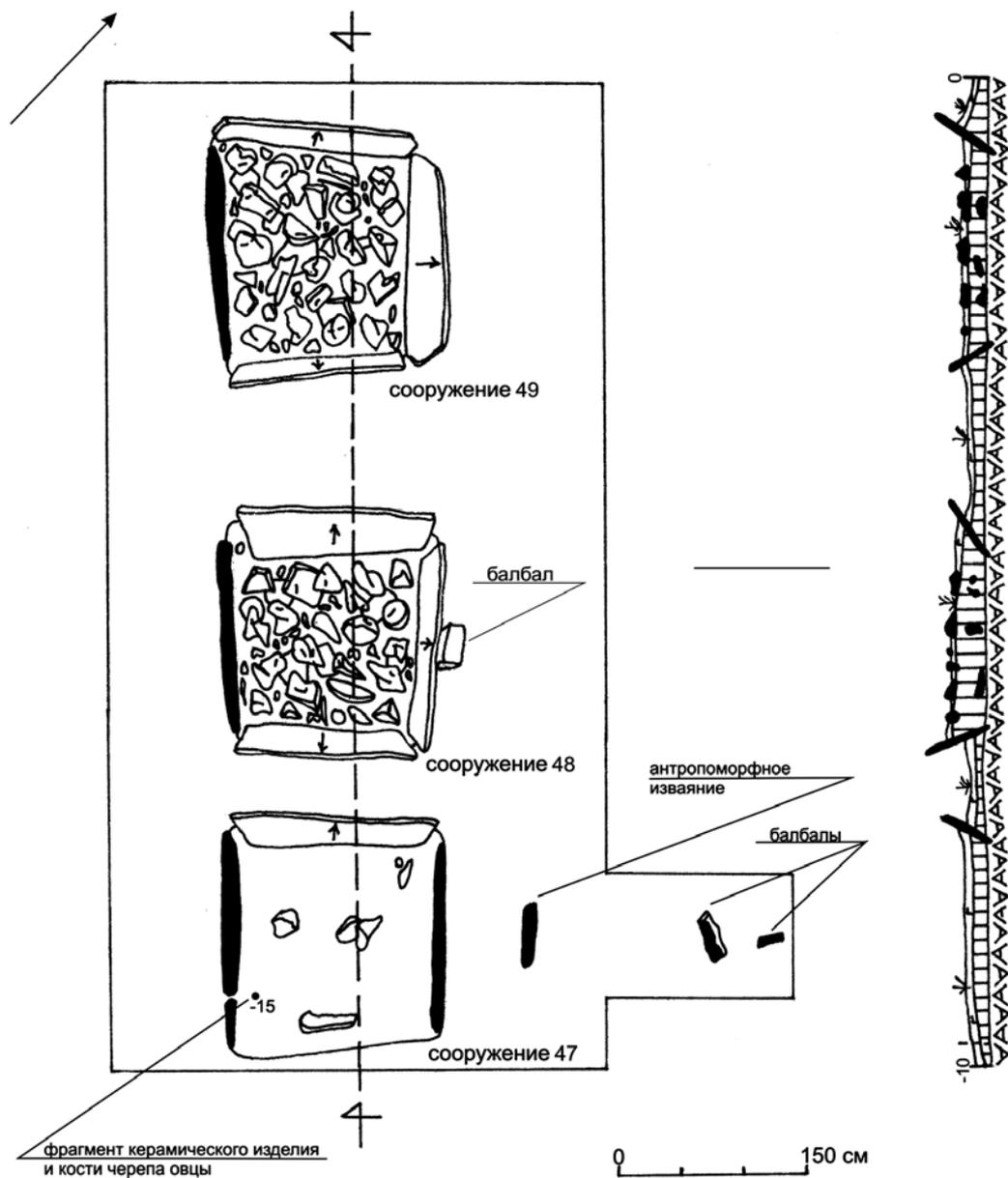

Рис. 2. План и профиль тюркских оград

и др., 2015]. Возможно, они являются аналогами деревянных столбов на Алтае [Семибратов, Матренин, 2008, с. 60], и перед «закрытием» комплексов, по мнению некоторых исследователей, их могли специально ломать [Горбунов и др., 2015, с. 85].

Рис. 3. Вид сооружения №48 с восточной стороны

Рис. 4. Цепочка вертикальных объектов сооружения №47

Особенности расположения изваяний, балбалов и каменных столбов позволяют сопоставить их со сведениями письменных источников. В этом плане интересны материалы, собранные Л.Р. Кызласовым [1964]. Согласно Лю Маоцаю, описавшему погребальный обряд тюрков: «...они погребают пепел и устанавливают на могилу де-

ревянный столб в качестве памятного знака. На могиле они сооружают помещение, в котором рисуют облик покойного и сцены битв, в которых умерший принимал участие до смерти. Если он некогда убил одного человека, тогда один камень ставят. Число камней достигало иногда до ста или тысячи».

По поводу так называемых памятных столбов можно привести мнение Е.В. Войтова [1996, с. 166], который считает их опредмеченным выражением представления о «Мировом дереве» и т.д. Вертикально установленные объекты в пределах погребальных сооружений известны как минимум с бронзового века [Бобров, 1992]. Не менее показателен в этом плане комплекс финальной бронзы Шантимес, где в погребении гигантской четырехугольной каменной платформы, с обилием кострищ по периметру, обнаружено обломленное основание стелы, которая в древности вполне могла выступать на поверхность [Кукушкин, Дмитриев, 2017]. По своей природе они вполне могли быть полисемантичны. Однозначно говорить о той или иной функции довольно сложно, тем более, как мы увидим ниже, они могли служить и для совсем другой цели.

Благодаря внутренней локализации ямок от столбов на общем фоне выделяются оградки Дау-Кара, на данный момент единственные в своем роде. Несколько сооружений с наружными столбовыми ямками исследованы в комплексе Копа [Ермоленко, Евдокимов, 2017, с. 32–33]. По мнению Л.Н. Ермоленко и В.В. Евдокимова, они могли быть основой какой-то четырехугольной конструкции, примыкавшей к южной стенке. При этом необходимо учитывать, что установленные в ямках столбы были окружены забутовкой из рваного камня и не составляли правильных рядов и скорее служили для вывешивания жертвенных приношений [Ермоленко, Евдокимов, 2017, с. 30–31]. В этом ракурсе примечательны сведения В. Рубрука, который отмечал: «вокруг могилы одного половца... были поставлены жерди по четырем сторонам света и были развешаны 16 лошадиных шкур по четыре с каждой стороны» [Путешествие..., 1957, с. 102]. Традиция вывешивать части жертвенных животных на столбах доживает и до нашего времени, так, Л.П. Потапов [1953, с. 85] писал: «...современные тюрки Алтая еще в первой четверти XX в. также приносили в жертву лошадей и овец, головы которых вместе со шкурой вывешивали на жердях, приставленных к дереву».

Проведение жертвоприношений документируется в ограде 3 могильника Танабай, где были обнаружены фрагменты черепа овцы и керамического изделия. Известно, что челюсти домашних животных найдены в оградах Харганат-II [Горбунов и др., 2015, с. 77], Хушуун дэнж-4 [Тишкин и др., 2015, с. 232], Бике-IV [Семибратов, Матренин, 2008, с. 59] и т.д., а железные наконечники стрел, удила и бронзовые поясные бляхи в Аккойтасе-IV вполне могли имитировать полноценное захоронение. К примеру, части доспехов известны почти исключительно в кенотафах и «поминальных» оградах тюрков [Серегин, 2008, с. 148].

Неоднозначно обстоит вопрос с интерпретацией четырехугольных оградок, который долгое время считался решенным. В последние три десятилетия дискуссия по данной проблеме «разгорелась» заново. Этому поспособствовали исследования В.А. Могильникова [1992, 1994] на Алтае, которым были предложены аргументы в пользу их погребальной принадлежности, в противовес утвердившемуся поминальному назначению [Кубарев, 1984; и др.].

Последовательным сторонником отождествления четырехугольных оградок с «символическими» захоронениями – кенотафами – является Н.Н. Серегин, при этом

не исключающий возможности постепенной трансформации их в поминальные комплексы. Исследователем было отмечено, что в большинстве случаев объекты, рядом с которыми зафиксированы стелы и балбалы, не содержали «стандартного» погребения и относились к кенотафам, самостоятельным захоронениям лошадей или «ритуальным» курганам [Серегин, 2011, с. 50; Серегин, Шелепова, 2015, с. 91–106].

На наш взгляд, подвергнуть сомнению поминальную принадлежность центрально-казахстанских оград на данный момент практически нет оснований (возможно, за исключением материалов Аккойтаса-IV). При этом авторы вовсе не отрицают, что на Алтае на раннем этапе тюркские ограды могли являться кенотафами, демонстрируя в этом плане связь с погребальной обрядностью предшествующей булан-кобинской культурой.

В настоящее время предложено несколько моделей классификации и хронологии тюркских оград (В.Е. Войтов, Д.Г. Савинов, В.Д. Кубарев, Н.Н. Серегин, Е.В. Шелепова и др.). Широко известная концепция В.Е. Войтова, созданная для памятников Монголии, подразумевает хронологическую последовательность двух групп сооружений: многоплитовых и четырехплитовых. Наиболее ранней является первая группа, соответствующая эпохе Первого Тюркского каганата (VI–VII вв.), вторая же распространяется в конце VII – 1-й половине VIII вв., что соответствует Второму Восточному Тюркскому каганату [Войтов, 1996, с. 61–70]. Выводы исследователя актуальны и используются на практике [Тишкин и др., 2015, с. 70; Горбунов и др., 2015, с. 85].

Иная типологическая схема предложена В.Д. Кубаревым [1984, с. 50–51], согласно которой тюркские ограды подразделяются на несколько типов: кудыргинский, яконурский, юстыдский, уландрыкский и аютинский. Центрально-казахстанские сооружения можно соотнести с уландрыкским (Аккойтас-IV) и яконурским (Танабай, Копя, Дау-Кара) типами. Д.Г. Савинов [1984, с. 68–69] предлагает датировать их V–VI и IX–X вв. соответственно.

Обстоятельный анализ оград с шестичленной древовидной схемой их классификации проведен Е.В. Шелеповой. Исследовательница предлагает датировать четырехугольные рядом стоящие сооружения с изваяниями и балбалами с восточной стороны VI–X вв. [Шелепова, 2011, с. 219].

Заключение

Думается, что ввиду малочисленности раскопанных аналогичных комплексов в Центральном Казахстане и отсутствия достоверных хронологических реперов, наиболее правильным будет принять пока широкий хронологический интервал для датировки исследованных оград: 2-я половина VI – VIII вв. *Terminus ante quem* (пределом) верхней границы служит распространение с IX в. в указанном регионе кыпчакских племен [Степи Евразии..., 1981], у которых традиция возведения четырехугольных оград отмирает. Ранее Л.Н. Ермоленко [2004, с. 31] по аналогам оружия с кольчатым навершием, изображенного на обломке изваяния, датировала сооружения памятника Копя VII–VIII вв.

Библиографический список

Байтанаев Б.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Культурно-погребальный комплекс Каракойтас и Аккойтас «Долина батыров» // Восхождение к вершинам археологии : сборник материалов международной научной конференции «Древние и средневековые государства на территории Казахстана», по-

священный 90-летию со дня рождения К.А. Акишева. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 659–668.

Бейсенов А.З., Волошин В.С. Могильник Ижевский-2 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : ЭКО, 2002. С. 165–174.

Бейсенов А.З., Кожакоев Д.А. Средневековые памятники Центрального Казахстана // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001. С. 150–164.

Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб. : ИИМК РАН, 1992. С. 54–57.

Боталов С.Г., Ткачев А.А. Нуринское погребение VIII–IX вв. // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск : Челябинский государственный университет, 1990. С. 147–150.

Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М. : Изд-во ГМВ, 1996. 152 с.

Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч. Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015. №1 (11). С. 70–86. DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11)-05.

Дмитриев Е.А., Ломан В.Г., Кукушкин И.А. Могильник Майбулак II. Новый памятник эпохи средневековья Сарыарки // Актуальные проблемы отечественной истории и археологии. Караганда : Изд-во КарГУ, 2017. С. 48–51.

Ермоленко Л.Н. Средневековые изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.

Ермоленко Л.Н., Евдокимов В.В. Средневековые изваяния из музея археологии Карагандинского университета // Актуальные проблемы отечественной истории и археологии. Караганда : Изд-во КарГУ, 2017. С. 30–35.

Кадырбаев М.К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды Института истории, археологии и этнографии. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1959. Т. 7. С. 162–202.

Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск : Наука, 1984. 232 с.

Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Ритуально-погребальный комплекс финальной бронзы Шантимес (Центральный Казахстан) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. №5 (97). С. 207–212.

Кукушкин И.А., Кукушкин А.И. Некоторые итоги исследований могильника Танабай // Казахское ханство в потоке истории. Алматы : Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2015. С. 670–681.

Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964. №2. С. 27–39.

Маргулан А.Х. Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Соч. в 14 т. Т. 3–4. Алматы : Дайк-Пресс, 2003. 246 с.

Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1992. С. 175–212.

Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Коба-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск : ГАНИИИЯЛ, 1994. С. 94–116.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.

Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М. : Географизм, 1957. 270 с.

Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. : Изд-во ЛГУ, 1984. 174 с.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Вып. 4. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. С. 54–66.

Серегин Н.Н. Объекты «ритуального» характера в составе погребальных комплексов тюркской культуры // Древние и современные культовые места Алтая. Барнаул : ООО «Печатная компания АРТИКА», 2011. С. 49–54.

Серегин Н.Н. Традиция сооружения кенотафами кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово : КузГТУ, 2008. С. 144–153.

Серегин Н.Н., Шелепова Е.В. Тюркские ритуальные комплексы Алтая (2-я половина I тыс. н.э.): систематизация, анализ, интерпретация. Барнаул : Азбука, 2015. 168 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М. : Наука, 1981. 304 с. (Археология СССР. Т. 18).

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Идэрхангай Т.-О., Серегин Н.Н. Исследование тюркской оградки на комплексе Хушуун дэнж-04 в Центральной Монголии // Известия Алтайского государственного университета. Исторические науки и археология. 2015. 3/2 (87). С. 229–238. DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-36.

Шелепова Е.В. Систематизация и интерпретация ритуальных оградок тюркской культуры Алтая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 5: Археология и этнография. С. 212–227.

References

Bajтанаев В.А., Ахатов Г.А., Казизов Е.С. Kul'tovo-pogrebal'nyj kompleks Karakojtas i Akkojtas «Dolina batyrov» [Cult-Burial Complex of Karakojtas and Akkojtas "Valley of Batyrs"]. Voshozhdenie k vershinam arheologii : sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Drevnie i srednevekovye gosudarstva na territorii Kazahstana», posvjashhjonnyj 90-letiju so dnja rozhdenija K.A. Akisheva [Ascent to the Heights of Archaeology: a Collection of Materials of the International Scientific Conference "Ancient and Medieval States in the Territory of Kazakhstan", Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of K.A. Akisheva]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2014. Pp. 659–668.

Bejzenov A.Z., Voloshin V.S. Mogil'nik Izhevskij-2 [Izhevsk-2 Burial Ground]. Izuchenie pamjatnikov arheologii Pavlodarskogo Priirtysh'ja [Studying of Monuments of Archaeology of Pavlodar Priirtyshye]. Pavlodar : JeKO, 2002. Pp. 165–174.

Bejzenov A.Z., Kozhakov D.A. Srednevekovye pamjatniki Central'nogo Kazahstana [Medieval Sites of Central Kazakhstan]. Istorija i arheologija Semirech'ja. Almaty, 2001. 2 [History and Archaeology of the Semirechie. Issue 2]. Pp. 150–164.

Bobrov V.V. K probleme vertikal'no ustanovlennyh ob'ektov v pogrebenijah jepohi bronzy Sibiri i Kazahstana. [To the Issue of Vertically Installed Objects in the Burials of the Bronze Age of Siberia and Kazakhstan]. Severnaja Evrazija ot drevnosti do srednevekov'ja [Northern Eurasia from Antiquity to the Middle Ages]. St. Petersburg : IIMK RAN, 1992. Pp. 54–57.

Botalov S.G., Tkachev A.A. Nurinskoe pogrebenie VIII–IX vv. [Nurinskoe Burial of the 8th – 9th Centuries]. Arheologija Volgo-Ural'skih stepej [Archaeology of the Volga-Ural Steppes]. Cheljabinsk : Cheljabinskij gosudarstvennyj universitet, 1990. Pp. 147–150.

Vojtov V.E. Drevnetjurkskij panteon i model' mirozdanija v kul'tovo-pominal'nyh pamjatnikah Mongolii VI–VIII vv. [Ancient Turkic Pantheon and Model of the Universe in the Cult-Memorial Sites of Mongolia of the 6th – 8th Centuries]. Moscow : Izd-vo GMV, 1996. 152 p.

Gorbuнов V.V., Tishkin A.A., Seregin N.N., Muhareva A.N., Munhbjajan Ch. Prodolzhenie issledovanij tjurkskikh ogradok na territorii Mongol'skogo Altaja [Continuation of the Studies of the Turkic Fences in the Territory of the Mongolian Altai]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research]. 2015. No. 1 (11). Pp. 70–86. DOI: 10.14258/tpai(2015)1(11).-05.

Dmitriev E.A., Loman V.G., Kukushkin I.A. Mogil'nik Majbulak II. Novyj pamjatnik jepohi srednevekov'ja Saryarki [Maibulak II Burial Ground. A New Site of the Middle Ages Saryarka]. Aktual'nye problemy otechestvennoj istorii i arheologii [Actual Problems of National History and Archaeology]. Karaganda : Izd-vo KarGU, 2017. Pp. 48–51.

Ermolenko L.N. Srednevekovye izvajanija kazahstanskih stepej (tipologija, semantika v aspekte voennoj ideologii i tradicionnogo mirovozzrenija) [Medieval Sculptures of Kazakhstan Steppes (typology, semantics in the aspect of military ideology and traditional worldview)]. Novosibirsk : Izd-vo IAIje SO RAN, 2004. 132 p.

Ermolenko L.N., Evdokimov V.V. Srednevekovye izvajanija iz muzeja arheologii Karagandinskogo universiteta [Medieval Sculptures from the Museum of Archaeology of Karaganda University]. Aktual'nye problemy otechestvennoj istorii i arheologii [Actual Problems of National History and Archaeology]. Karaganda : Izd-vo KarGU, 2017. Pp. 30–35.

Kadyrbaev M.K. Pamjatniki rannih kochevnikov Central'nogo Kazahstana [The Sites of the Early Nomads of Central Kazakhstan]. Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography]. Alma-Ata : Izd-vo AN KazSSR, 1959. Vol. 7. Pp. 162–202.

Kubarev V.D. Drevnetjurkskie izvajanija Altaja [Ancient Turkic Sculptures of Altai]. Novosibirsk : Nauka, 1984. 232 p.

Kukushkin I.A., Dmitriev E.A. Ritual'no-pogrebal'nyj kompleks final'noj bronzy Shantimes (Central'nyj Kazahstai) [The Shantimes Ritual-Funeral Complex of the Final Bronze (Central Kazakhstan)]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [News of Altai State University]. 2017. No. 5 (97). Pp. 207–212.

Kukushkin I.A., Kukushkin A.I. Nekotorye itogi issledovanij mogil'nika Tanabaj [Some Results of the Tanabai Burial Ground Research]. Kazahskoe hanstvo v potoke istorii [Kazakh Khanate in the Stream of History]. Almaty : Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2015. Pp. 670–681.

Kyzlasov L.R. O naznachenii drevnetjurkskih kamennyh izvajanij, izobrazhajushchih ljudej [On the Appointment of Ancient Turkic Stone Sculptures Depicting People]. Sovetskaja arheologija [Soviet Archaeology]. 1964. No. 2. Pp. 27–39.

Margulan A.H. Petroglify Saryarki. Gravjury s izobrazheniem volch'ego totema. Kamennye izvajanija Ulytau [Petroglyphs of Saryarka. Engravings Depicting a Wolf Totem. Stone Statues of Ulytau]. Soch. v 14 t. Vol. 3–4. Almaty : Dajk-Press, 2003. 246 p.

Mogil'nikov V.A. Drevnetjurkskie ogradki Kara-Koba-I [Ancient Turkic Fences of Kara-Koba-I]. Materialy k izucheniju proshlogo Gornogo Altaja [Materials for Studying the Past of the Altai Mountains]. Gorno-Altajsk : GANIJaL, 1992. Pp. 175–212.

Mogil'nikov V.A. Kul'tovye kol'cevye ogradki i kurgany Kara-Koba-I [Cult Ring and Barrows of Kara-Koba-I]. Arheologicheskie i fol'klornye istochniki po istorii Altaja [Archaeological and Folklore Sources on the History of Altai]. Gorno-Altajsk : GANIJaL, 1994. Pp. 94–116.

Potapov L.P. Oчерки по истории алтайцев [Essays on the History of the Altaians]. Moscow ; Leningrag : Izd-vo AN SSSR, 1953. 444 p.

Puteshestvie v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka [A Trip to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruka]. Moscow : Geografija, 1957. 270 p.

Savinov D.G. Narody Juzhnoj Sibiri v drevnetjurkskuju jepohu [Peoples of Southern Siberia in the Ancient Turkic era]. Leningrad : Izd-vo LGU, 1984. 174 p.

Semibratov V.P., Matrenin S.S. Issledovanie pogrebal'nyh i pominal'nyh pamjatnikov tjurkskoj kul'tury v zone stroitel'stva Altajskoj GJeS v 2007 g. [Investigation of Burial and Memorial Monuments of the Turkic Culture in the Zone of construction of the Altai HPP in 2007]. Teorija i praktika arheologicheskikh issledovanij [Theory and Practice of Archaeological Research. Issue. 4]. Vol. 4. Barnaul : Izd-vo Altajskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. Pp. 54–66.

Seregin N.N. Ob'ekty «ritual'nogo» haraktera v sostave pogrebal'nyh kompleksov tjurkskoj kul'tury [Objects of “Ritual” Character in the Composition of the Burial Complexes of the Turkic Culture]. Drevnie i sovremennye kul'tovye mesta Altaja [Ancient and Modern Cult Places of Altai]. Barnaul : OOO «Pechatnaja kompanija ARTIKA», 2011. Pp. 49–54.

Seregin N.N. Tradicija sooruzhenija kenotafov kochevnikami tjurkskoj kul'tury [Tradition of Building Cenotaphs by Nomads of Turkic Culture]. Arheologija stepnoj Evrazii [Archaeology of the Steppe Eurasia]. Kemerovo : KuzGTU, 2008. Pp. 144–153.

Seregin N.N., Shelepova E.V. Tjurkskie ritual'nye komplekсы Altaja (2-ja polovina I tys. n. je.): sistematizacija, analiz, interpretacija [Turkic Ritual Complexes of Altai (2nd half of I millennium AD): Systematization, Analysis, Interpretation]. Barnaul : AZBUKA, 2015. 168 p.

Stepi Evrazii v jepohu srednevekov'ja [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow : Nauka, 1981. 304 p. (Arheologija SSSR. Vol. 18).

Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Idjerhangaj T.-O., Seregin N.N. Issledovanie tjurkskoj ogradki na komplekse Hushuun djenzh-04 v Central'noj Mongolii [Study of the Turkic Fence on the Khushush Deng-04 Complex in Central Mongolia]. Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arheologija [Izvestia of Altai State University. Historical Sciences and Archaeology]. 2015. No. 3/2 (87). Pp. 229–238. DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-36.

Shelepova E.V. Sistematizacija i interpretacija ritual'nyh ogradok tjurkskoj kul'tury Altaja [Systematization and Interpretation of Ritual Fences of the Altai Turkic Culture]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija, filologija. 2011. Vol. 10, 5: Arheologija i jetnografija [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology. 2011. T. 10, no. 5: Archaeology and Ethnography]. Pp. 212–227.

E.A. Dmitriev¹, D.S. Zhusupov²

¹*Saryarka Archaeological Institute, Buketov Karaganga State University,
Karaganda, Kazakhstan;*

²*Karaganda Regional Historical Museum of Local Lore, Karaganda, Kazakhstan*

TURKIC FENCES OF THE TANABAI BURIAL GROUND IN CONTEXT OF RESEARCH OF EARLY MIDDLE AGES SITES IN CENTRAL KAZAKHSTAN

The investigational monuments of Turkic time in the territory of Central Kazakhstan are not numerous (Egiz-Koytas, Dhow-Kara, Zharly-1, 2, Copa, Izhevskiy-2, Ackoytas-IV, Maybulak-II and Nurinskoe burial). The researchers are mainly interested in the issue of anthropomorphous sculptures which is reflected in a number of articles and a few monographs while the funeral ceremony and ritual practice related to it is beyond the focus of the scientists' attention. The article introduces into the scientific circulation the results of works on the Tanabai burial ground, where the research was done of a complex of three fences with an anthropomorphous sculpture and balbals. The constructions presented the quadrangular fences, made of vertically set slabs with inward space filled by middle- and large-sized stones. In the south building, in the process of taking out the internal fence fitting the discovery was made of the fragments of sheep skull and ceramic object. Actually Turkic fences are dug out on the Copa, Dhow-Kara and Ackoytas-IV sites. The right thing would be to date them to a wide chronologic interval: a 2nd half of the 6th–8th century. Terminus ante quem of high bound boundary is the spreading of Kypchaks tribes in the region starting with the 9th century where tradition of building quadrangular fences «dies» off.

Key words: Central Kazakhstan, Turkic time, fence, sculpture, balbal.